

Алиса
ЗНАМЕНСКАЯ

ПРОГУЛКА
под луной

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-72

Дизайн обложки — студия «*Fold & Spine*»
Дизайнер — *Александр Кудрявцев*

Знаменская, Алина.

3-72 Прогулка под луной / Алина Знаменская. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Лучшие романы о любви).

ISBN 978-5-17-090216-3

Порой мы взваливаем на себя ношу, которую не можем донести. Потом ругаем себя: зачем, ну зачем тебе это?!

Но молоденькая учительница Маша, решившая вопреки всему удочерить маленькую девочку, вовсе не сомневалась в себе. Она знала, что значит быть сиротой, и очень хотела спасти талантливую Алю от этого.

Правда, Маша никак не могла предположить, что у Али найдется папа, который не собирается делить свою дочь ни с кем. Маша считала его человеком безжалостным и жестоким. И изменить свое мнение оказалось значительно сложнее, чем взять на себя заботы о воспитании чужого ребенка...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090216-3

© А. Знаменская, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Глава 1

Еще в аэропорту ее кольнуло предчувствие. Какое-то смутное ощущение неприятности. С чего бы это? Разве что погода встретила не весенняя?

Ну, скажем так: не по-московски весенняя. Серый мелкий дождь, словно дразнясь, копировал лондонский, и у Маши возникло совершенно дурацкое ощущение обиды на погоду. Сегодня должно быть солнце, оно обязано кувыряться в лужах и сочно шлепаться в чистые стекла здания аэровокзала. В аэропорту ее должен встречать Борис — высокий брюнет в длинном светлом плаще. Обязательно с букетом белых хризантем. Сияющий, как новая витрина. Импозантный до бесчувствия. Парень, на которого оборачиваются даже манекены в женских отделах супермаркетов. И убежденные старые девы. И... в общем, понятно. Так что погода ни при чем. Просто ее не встретил Борис. Это — во-первых.

Нет, все-таки Борис — во-вторых.

Когда Маша почувствовала на лице эту противную изморось (зонт она, конечно же, оставила в сумке, в багажном отделении), то поняла, что сегодня случится и «во-вторых», и «в-третьих».

Это известная примета: природа всегда дает намек на ближайшее будущее, просто не все замечают.

К черту намеки. Она — невеста! Через два месяца ее свадьба с Борисом! Не с каким-нибудь

чудиком, а с Борисом Антоновым, финансовым директором фирмы «Альтаир», с парнем, о котором мечтают все девушки, когда-либо видевшие его хоть краем глаза.

Машина тетка из Самары утверждает, что Маша вытянула счастливый билет. Что за тяжелую и лишенную женского счастья материну долю Провидение вознаградило дочь. Ее Машу. Подарило принца.

— Такие, как твой Борис, производятся штучно. За таких надо держаться. Вцепиться мертвой хваткой и не дышать, — объявила единственная Машина близкая родственница.

— Ну это уж слишком, тетя Свет. Мертвой хваткой...

Маше было смешно. Нет, она, Мария Сивцова, ни в кого мертвой хваткой не вцеплялась.

И Бориса не ловила никакими женскими штучками. Все было честно. Он сам выбрал ее из такой огромной когорты современниц. Чем уж она его прельстила?

Он упорно искал ее общества, дарил цветы и конфеты. Приезжал за ней на работу в своем шикарном «вольво» и на виду у изнывающих от зависти коллег переносил через лужи к автомобилю. Все было красиво. Именно так, как может мечтать девушка лет двадцати пяти, без особых притязаний, не имеющая богатых родителей (а точнее, не имеющая родителей вообще) и до сих пор живущая в коммуналке.

...Они познакомились на презентации магазина учебных пособий. Маша попала туда случайно. Ее с учениками попросили прорекламирровать некоторый товар. Ребята задавали ей вопросы, она отвечала. Так как школа — с углубленным изучением английского, то все происходило на английском. Они двигались от стенда к стенду и возле каждого проводили мини-урок. Даже в микроскоп смотрели. Это была идея Машины друзей, открывающих третий магазин. Идея понравилась — девушка не прочь была подзаработать.

Там, как водится, присутствовало множество представителей различных фирм, стандартно деловых

и одинаково одетых. Примерно как в наших рекламных роликах с сюжетами о частных банках.

По крайней мере она никого из присутствующих не запомнила. Даже и не слишком приглядывалась. Маша четко знала: это не ее круг. Это — чужое. И ей туда как бы и не очень хотелось. Это как в дорогом бутике без долларов в кармане — понимаешь, что красиво, но не для тебя.

Посему она Бориса и не заметила и была слегка ошарашена, когда пару дней спустя к крыльцу школы подрулила крутая машина и молодой человек в дорогом твидовом костюме окликнул ее по имени-отчеству. Как принято в школе.

На его вопрос — вспомнила ли она его, честно призналась: нет, абсолютно.

Борис снисходительно посмеялся.

Предложил подвезти. Маша обрадовалась — от школы до дома добираться как раз два урока.

Он приехал еще. И еще.

Маша только плечами пожимала, когда коллеги общались: «Мария Андреевна, ваш крутой поклонник подъехал...»

Не верила она в его интерес, хоть убей.

Когда он вдруг невзначай осыпал ее обалденными дорогими подарками, она оценила сей факт однозначно. Откровенно разозлилась. Выпала, глядя ему в переносицу:

— Если тебе хочется переспать со мной... из спортивного интереса, то ты не по адресу. Я не сторонница коротких отношений. Будь они хоть сногшибательно подготовлены.

— Я это понял, — улыбнулся Борис.

— Ну и уберу весь этот музей.

И Маша с негодованием отодвинула от себя флакон французских духов и платок-батик, схваченный изящной золотой заколкой в форме бабочки.

Она прекрасно знала, сколько стоят такие платки. Помнила также, что иногда подобные подарки дали девочкам из их институтского общежития,

которые от вечной нехватки денег приторговывали своим телом.

— У меня такое ощущение... — задумчиво произнес Борис, — что наши странные отношения не будут короткими, Машенька.

Потом Борис как бы случайно познакомил ее с начальником агентства переводчиков, куда ее немедленно и пригласили работать. Маша тогда уже понимала, что какая-то упрямая сила втягивает ее в воронку другой жизни. Дает ей новые возможности. Открывает неведомые доселе горизонты.

Понимала и не сопротивлялась. В конце концов есть понятие — подарок судьбы.

Возможно, один такой подарок заваялся и у Машинной судьбы, почему бы нет?

Позже фирме Бориса понадобился переводчик для длительной поездки в Англию, и Борис порекомендовал Машу.

Все завертелось как в волшебном сне — знакомство с новыми людьми, города, знакомые по картинкам в институтских учебниках: Лондон, Йорк, Кембридж.

Она впервые была за границей и порядком обалдела от увиденного. Не переставала задавать себе вопрос: «Неужели все это со мной?»

Борис казался добрым волшебником, который шутя изменил ее жизнь, и она с удовольствием, хотя и с присущей ей осторожностью, ступила на эту карусель...

Борис добивался ее долго.

Нинель, секретарша из фирмы Бориса, насмешливо наблюдала за его потугами и однажды, как бы между прочим, сказала Маше:

— Не суетись. Не женится. Такие, как он, не спешат вешать хомут на шею. Так что бери от жизни что дают. Не строй планов. Глядеть жалко, как ты, бедняжка, стараешься...

Маша, конечно, нашлась что ответить Нинель, но слова секретарши не шли из головы.

Нетрудно догадаться, что имела в виду Нинель. Вся фирма видела, как Борис ухаживает. Наверняка все догадывались, что отношения финдиректора с невысокой, не длинноногой, не супермодной переводчицей все еще никак не перейдут за черту. Всем же интересно. Это была тема для разговоров. Считали, что Маша посадила Антонова на крючок. Что, доведя его до белого каления, она наконец окольцует его.

Нинель при появлении Маши всегда делала мудрое лицо. Мол, между нами, девочками, ты, киска, неоригинальна. Насквозь, мол, вижу твою игру. Не переигрывай, курочка...

Маша, как могла, избегала Нинель. Ну не будешь всем и каждому душу распахивать? Ну в самом деле, не прыгать же к мужику в постель только потому, что этого требует общественность?

Маша была убеждена, что для этого должно возникнуть собственное желание. А если его нет, то нужно подождать, не так ли? Впрочем, устоять перед натиском Бориса Антонова было трудно.

Он умел убеждать. Он говорил:

— Золотце, для того чтобы выработать гармонию отношений, нужна практика. А вдруг мы несовместимы? Это будет трагедия!

Маше нечего было возразить на эти разумные доводы. За два месяца последующей близости с Борисом она не успела понять — выработали они гармонию или нет... вероятно, гармония была в доработке. А вот предложение он ей все-таки сделал! Пренебрег своей драгоценной свободой, несмотря на прогнозы Нинель.

Кстати, какое лицо было у той, когда они объявили о помолвке и секретарша лицезрела кольцо с бриллиантом на Машинной руке! Какое лицо! Голливуд плачет по таким лицам!

Оно без слов вопило примерно следующее: «За что?! Этой простушке с косичкой?! Этой мелкой финтифлюшке! Этой фригидной сушеной обезьяне! Счастье привалило?! Или уже вовсе мужики ослепли? Или

глаза у них, прости Господи, теперь не на том месте? Ну что в ней, в этой сучке, такого особенного? Кроме знаний трех языков — ничего! Грудь — на второй размер не наскребешь, задница с кулачок. Короче — ни кожи ни рожи».

Нинель с досады взяла отгул и два дня не являлась на работу. Валялась в номере и глушила водку с командированными эфиопами.

А Маша наконец дала волю своей фантазии. Ведь теперь она могла смело строить планы, мечтать о семье, которой у нее не было уже много лет, наслаждаться заботой жениха. Пробовать на вкус приятную роль невесты нового русского. Теперь, конечно, она не возмущалась его подарками. У нее появилось множество приятных мелочей: духи, самая лучшая косметика, украшения. Он дарил ей даже нижнее белье. Теперь было можно.

Боже, да нет же, нет! У Маши мысли не было выйти замуж по расчету. Другое воспитание. Просто так получилось.

Она влюбилась. Да и как Бориса — не любить? У него практически нет недостатков. А вот у нее как раз полно!

— За что ты меня полюбил? — допытывалась она в минуты нежности, вороша пальцами его густую шевелюру.

— За твою косицу, — не задумываясь отвечал он.

Маша смеялась. Дело в том, что она, Мария Андреевна Сивцова, москвичка конца двадцатого века, имела совершенно несовременную длинную каштановую косу. До... Ну, в общем — ниже талии.

Иметь такую косу — подвиг. Те, кто не сталкивался, — не поймут. Но если с помощью косы можно прельстить такого, как Борис, то игра стоит свеч.

Так или иначе, он выбрал Машу и там, на берегу Турманного Альбиона, сделал ей предложение.

В Москву она вернулась невестой. Поскольку жених прибыл сюда парой недель раньше, естественно было ожидать, что он будет встречать невесту в трепетном нетерпении, а природа станет всячески соответствовать.

8 Чего не случилось.

Маша получила в багажном отделении две тяжелые сумки и с грехом пополам перетащила их к стоянке такси. Днища у сумок намокли. Плащ, конечно же, испачкался, волосы, выбившиеся из прически, повисли и прилипли к влажной щеке.

Девушка моментально попала под настроение дождя, царапающего стекло такси, и, когда подъехали к родному двору с внушительной старинной аркой, Маша уже почти ревела.

Это может показаться странным, но что поделать? В чем-то главном Маша Сивцова так и осталась маленькой девочкой. Но старалась, чтобы никто этого не заметил.

Машин дом — типичный пережиток прошлого. Двери со множеством звонков, бесконечные коридоры, общие кухни с полчищами тараканов.

Борис называет это клоповником.

Говоря его словами, скоро Маша переберется из своего клоповника в его палаты на Тверской. Начнет совершенно новую жизнь.

Не нужно будет, зайдя по делу на кухню, подолгу беседовать с Софьей Наумовной — «о трудностях жизни» или о «о странностях любви». В зависимости от того, чьи проблемы обсуждаются.

«О трудностях жизни» — это когда речь идет о Софье Наумовне, ее дочери и часто болеющих внуках. Ну а «о странностях любви» соответственно тема Машина, обсуждаемая с равным интересом.

Эти беседы отнимают уйму времени, но они неизбежны, как утренний чай.

Борис считает, что если бы Софья Наумовна говорила по-английски, итальянски или, на худой конец, по-немецки, это было бы даже полезно. Практика. А так — бездарная трата времени.

Машина соседка по манерам могла бы потянуть на потомственную аристократку, но языками, увы, не владела.

Еще момент: переехав на Тверскую, кроме бесед с Софьей Наумовной, Маша лишится еще

и вечернего прослушивания пьяных дебошей в комнате напротив. Что тоже является не последней приметой исчезающих коммуналок. Несмотря на предстоящие лишения, Маша была неприлично счастлива, думая о грядущих переменах.

Хотя и подкатила к арке своего родного двора со слезами, готовыми пролиться. Кряхтя, втащила две внушительные сумки к себе на третий этаж. Лифт не работал. Шофер оказался не джентльменом и укатил, едва девушка успела расплатиться.

Она нарочно не спешила открывать своим ключом. Позвонила три раза — Софье Наумовне. В подъезде ее охватил сентиментальный порыв. Желание, чтобы дверь открыл кто-нибудь.

Заохал, заахал, запричитал. Чтобы ей удивились и обрадовались. Кроме соседей, ахать в этот день было некому.

Позвонив, она живо представила, как интеллигентное лицо Софьи Наумовны, обрамленное седым «каре», вытянется удивленно, старушка всплеснет сухонькими руками, и все тело затрепещет в непритворном радостном ожидании. «Машенька, деточка, это вы! А я уж не чаяла вас дожидаться!»

Маша звонила, но ей не спешили открывать.

Позвонила четыре раза — в комнату Наташи Дедюш. Дело в том, что, кроме Софьи Наумовны, Маше мог обрадоваться еще один человек — Алька. В Машинной сумке, которая порядком оттянула руки, лежали новенькие английские фломастеры, несколько блокнотов с видами Лондона на обложке, красивая точилка и смешной мягкий тигренок. Подарки предназначались соседке — восьмилетней дочери Наташи Дедюш, Альке.

На четыре звонка, конечно же, никто не отозвался. Тогда-то и вползло в Машин день это пресловутое «в-третьих».

Она открыла дверь своим ключом и, разочарованная, злющая на всех, втащила сумки в свою комнату.

Вес еще не веря в свое одиночество, окликнула:

— Эй, Профессор!

Молчание. Она заглянула в ванную, где на стене обычно висели Алькины рисунки. Их там не было. Инстинктивно Маша выглянула в окно кухни. Глупо. Во дворе ее быть не могло — дождь. Маша осознала, что сейчас ей до чертиков необходим кто-то рядом. Лучше всего ее маленькая соседка. Вот кто умеет поднять настроение.

«Привет, Профессор! Растешь?» — «С трудом». — «А меня Борис не встретил в аэропорту. Как думаешь, мне обидеться?» — «Не стоит. Бизнес прежде всего. А девушки — потом». — «Ты думаешь? Ну что ж, на первый раз прощаю».

Так бы они перекинулись парой фраз. Потом Маша достала бы подарки. Алька умеет радоваться мелочам, как никто другой. Ее глаза заблестят, в них сверкнет неподдельный восторг, и весь день от нее будет как от печки пыхать детским натуральным счастьем. Садись и грейся.

Маша набрала номер телефона Бориса.

— Оставьте ваше сообщение на автоответчике.

Маша положила трубку и задумалась. До вечера еще далеко, надо чем-то заняться. Заглушить нарастающее беспокойство. Приготовить себе что-нибудь пожевать. Посидеть в ванне.

Распланировав время, Маша несколько воспряла духом.

Почему-то вспомнила, как однажды Борис сказал: ты станешь настоящим переводчиком, когда научишься думать по-английски. Иногда Маша добросовестно пыталась думать по-английски.

К примеру, про свой «ленч». Забавно. Как ни старается — ей не думается о маленькой чашечке кофе или яичнице с беконом.

Сегодня у Маши перед глазами вставала высокая синяя чашка со свежесваренным чаем да большой кусок столичного батона с «Докторской» колбасой. Об этом удобнее думать по-русски. Пришлось сбегать вниз, в магазин, за хлебом и колбасой, а заодно купить еще кое-что на первое время.

Софья Наумовна вернулась в тот момент, когда Маша, кое-как умытая холодной водой, сидела на кухне и давилась абсолютно безвкусной резиновой интерпретацией «Докторской» колбасы.

За три месяца за границей она успела отвыкнуть от того, что дома может не быть горячей воды и что продукты, вкус которых ты точно знаешь с детства, последнее время возымели дурную привычку меняться. Причем не в лучшую сторону.

После разлуки с Родиной Маша восприняла этот факт как предательство. Пусть меняется мода, пусть сменится строй, правительство, но — извините! — вкус «Докторской» колбасы, можайского молока и бабаевских барбарисок обязан остаться неизменным.

Девочка, вечно бунтующая в Марии Сивцовой, сидела, насупленно сведя брови.

В эту минуту ключ повернулся, скрипнула дверь и по коридору зашаркали туфли Софьи Наумовны.

Встреча прошла по вышеизложенному сценарию с небольшой поправкой: старушка прослезилась.

Маша уткнулась носом в большой крахмальным воротник соседки, пахнувший ландышем и валерьянкой.

— А я замуж выхожу, Софья Наумовна. Вот.

И Маша выставила ладошку с кольцом — подарком Бориса. Софья Наумовна до обидного мало уделила внимания кольцу, зато как-то странно взглянула на девушку и опустила на табуретку.

— Значит, вы, Машенька, оставляете меня здесь совершенно одну, деточка...

Маша испугалась. А что, если старушке сейчас заплочет? Похоже на то. Она вся обмякла на своей табуретке. Как надувная игрушка, из которой выпустили воздух...

— Почему одну-то, Софья Наумовна? А Дедюши? Вы так необходимы Альке. Она будет расти и — вот увидите — все больше будет нуждаться в вас. Наташа, конечно, для вас не собеседница, но все-таки. Соседка как-никак.

Маша что-то говорила еще, наливала чай,

Конечно, понятно: Софье Наумовне не хотелось оставаться одной с такими соседями. Алька еще малявка, а ее мать — хроническая алкоголичка с такими же мужьями и сожителями. Иметь таких соседей — не лучшая участь. Но, зная Софью Наумовну много лет, Маша не ожидала подобной реакции.

Они всегда жалели Наташу Дедюш. Был в ней какой-то надрыв, который и заставлял жалеть ее, беспутную. А потом — у нее ведь была Алька. Яркий фонарик, Профессор. Лунная девочка. Поэтому, утешая Софью Наумовну, Маша несколько подрастерялась. В конце концов, она ведь не обещала остаться в девках или, например, привести своего суженого в их курятник.

Софья Наумовна подняла глаза, и оттуда на Машу плеснулось что-то. Маша села рядом.

— Что случилось?

— Да вы ведь, Машенька, ничего не знаете?

Она прикрыла рот ладошкой. У Маши заняло в животе: вот ведь должна была почувствовать: дома что-то не так. Вот оно — «в-третьих».

— Наташа-то Дедюш еще зимой умерла.

В животе колыхнулось что-то холодное. Следом — что-то горячее.

— Как? — только и спросила Маша.

— Выпила лишнего и замерзла, не дойдя до дома, в снегу. Как раз в арке.

Софья Наумовна рассказывала, как хоронили, как делили поминки все соседи в складчину.

Маша вспомнила, чего не хватает. Алькиных колготок на батарее в ванной и того стойкого запаха перегара, которым был насквозь пропитан общий коридор. Теперь здесь преобладал чистенький запах Софьи Наумовны — ландыш с валерьянкой.

— Их комнату опечатали. Много тут приходило из разных организаций, Машенька. Я со всеми и беседовала.

Наконец Маша сумела выстроить для себя все события, поведенные соседкой, в единственный смысловой ряд и неожиданно хрипло спросила:

— А где же... Алька?

— Алечку... — Софья Наумовна всхлипнула и стала зачем-то тереть своей сухонькой ладошкой изрезанную клеенку Дедюшей. — А Алечку нашу... в приют отдали.

Весь вечер соседки просидели на кухне. В квартире было непривычно тихо. Внизу, в подъезде, беспрерывно хлопала входная дверь, у соседей сверху громко орал телевизор, а здесь, на кухне третьего этажа, было слышно, как торопливо топает по клеенке таракан.

Помянули Наташу лондонским ликером (Маша разбавила его минералкой, получился коктейль — не так крепко). Было странно думать о Наташе Дедюш в прошедшем времени, тем более что непутевая жизнь ее так и осталась загадочной для всех. Когда-то с трехлетней сероглазой девочкой на руках она появилась в этой квартире. Вообще бедной комнате напротив Машиной не везло на хозяев. Тут почему-то вечно жили пьяницы.

Правда, Наташа была слишком красива для этого, и поначалу о ней так не подумали. Ходили слухи, что она бывшая актриса. Кажется, оперная певица. И что ради красавца мужа бросила сцену. А он, как водится, потом бросил ее с ребенком на руках и скрылся в неизвестном направлении. Впрочем, ходили и другие слухи, частично опровергавшие первые. Будто Наташа была вынуждена бежать от деспота супруга, который был зверского нрава и в конце концов угодил в тюрьму.

Сама Наташа объявила соседям, что она вдова, в душеспитательные беседы не вступала, хотя и любила посидеть в обществе Маши и Софьи Наумовны. Но, как правило, молчала, пуская в потолок струйки сигаретного дыма. Поселившись в коммуналке, она устроилась работать в ларек и стала кидаться из одного романа в другой.

Сначала это были видные мужчины. А последние два года ее кавалеры становились все более «бомжистого» оттенка. По вечерам Наташа пьяным голосом пыталась воспроизвести прежний репертуар — пела

арии из опер. Очередной «муж», обиженный невниманием с ее стороны, требовал участия, и начиналось... В такие вечера Алька перебиралась к Маше и тихонько сидела у окна, пока та проверяла тетради.

Иногда они читали вслух «Приключения Карика и Вали», а бывало, резались в комнате Софьи Наумовны в «золотого дурака».

Маша вспомнила Алькины большие взрослые глаза цвета дождливой погоды и почувствовала себя в чем-то виноватой.

В девять позвонил Борис:

— Манюня! Приехала?

— Как видишь.

— Обиделась?

— Вот еще...

— Обиделась... Я, Манюнь, в Питер летал. Деловые переговоры. Думал, успею вернуться — не получилось. Автоответчик подключил. А ты не звонила?

— Некогда было.

Маше хотелось немного помучить Бориса — он это знал и охотно подыгрывал:

— Коварная ты, Мария... Жестокая! Я так скучал... А ты скучала?

— Ну разве самую малость.

— Бессердечная. Я ужасно соскучился... Приеду, а?

Маша покосилась на дверь Софьи Наумовны. Старушка под действием лондонского ликера мирно спала. Но Маша стояла в коридоре как раз лицом к двери Дедюшей, и это обстоятельство поколебало ее. Она замялась. Подумала: «Как это мы будем с Борисом... тут». В общем, Маше стало вдруг неловко от этой мысли, и она быстро зашептала в трубку:

— Софья Наумовна не спит. К нам нельзя.

— Ну вот... Я на минуточку! Нанесу визит вежливости. Ну, Мань, ну соскучился жених, не будь такой вредной!

— Ладно уж, приезжай.